

3. Дорошина Л. Ф. Образ жінки-матері у творах О. Довженка як архетиповий образ української культури / Л. Ф. Дорошина // Слово. Думка. Людина : зб. наук. праць із акт. пробл. лінгвістики : до 80-річчя від дня народження д-ра філол. наук, проф. Л. А. Лисиченко. — Х., 2008. — С. 247–253.

4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : [в 4 т.] / Георг Вильгельм Гегель ; [пер. с нем. Б. Г. Столпнер]. — М. : Искусство, 1968–1973. — Т. 2. — 1969. — 845 с.

5. Мовчан П. М. Світло : [поезії] / Павло Михайлович Мовчан. — К. : Молодь, 1986. — 152 с.

6. Мовчан П. М. Жолудь : [поезії] / Павло Михайлович Мовчан. — К. : Молодь, 1983. — 144 с.

7. Мовчан П. М. Осереддя : [поєми та поезії] / Павло Михайлович Мовчан. — К. : Молодь, 1989. — 128 с.

8. Мовчан П. М. Досвід / Павло Михайлович Мовчан. — К. : Молодь, 1980. — 120 с.

9. Лисиченко Л. А. Лексико-семантичний вимір мовної картини світу / Лідія Андріївна Лисиченко. — Харків : Видавничка група «Основа», 2009. — 191, [1] с.

10. Трофимова А. В. Концепт «огонь» в современном русском языке : дисс. кандидата филолог. наук : 10.02.01 / Трофимова Антонина Владимировна. — М., 2005. — 211 с.

11. Мовчан П. М. Календар : [поезії] / Павло Михайлович Мовчан. — К. : Рад. письменник, 1985. — 142 с.

12. Мовчан П. М. Пам'ять : [поезії] / Павло Михайлович Мовчан. — К. : Рад. письменник, 1997. — 82 с.

13. Мовчан П. М. В день молодого сонця : [поезії] / Павло Михайлович Мовчан. — К. : Рад. письменник, 1981. — 102 с.

УДК 811.161.1'367.625.43

Мехраби К.
(Минск, Беларусь)

О ВАРЬИРОВАНИИ ЗАЛОГОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

У статті досліджується граматичний зміст пасивних дієприкметників минулого часу, що увійшли до художньої тканини роману І. Буніна «Життя Арсен'єва». Розглядаються і описуються мікроконтексти, в яких дієприкметник може бути семантичним і граматичним корелятом предикативних форм: 1) дієслів (у цьому випадку дієприкметник, як правило, є єдиноможливим засобом вираження пасивного стану в опозиції «актив-пасив»); 2) зворотних дієслів, використаних не в пасивному значенні (подібна взаємозамінюваність свідчить про квазіпасивність дієприкметникової конструкції); 3) дієслова, що мають здатність утворювати конструкції, так і зворотних, використаних а) в пасивному значенні і таких, що формують синонімічну пасивну конструкцію;

© Мехраби К., 2012

б) не в пасивному значенні; 4) кількох дієслів з протилежними видовими і становими характеристиками (для цього типу кореляцій характерні неоднозначність інтерпретацій і розмитість видового і значень стану дієприкметникових форм).

Ключові слова: дієприкметник, пасив, семантичні кореляти, граматична семантика, стан, трансформація.

В статье исследуется грамматическое содержание страдательных причастий прошедшего времени, включённых в художественную ткань романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Рассматриваются и описываются микроконтексты, в которых причастия могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм: 1) образующих глаголов (в этом случае причастия, как правило, являются единственно возможными средствами выражения значения страдательного залога в оппозиции «актив-пассив»); 2) возвратных глаголов, употреблённых не в страдательном значении (подобная взаимозаменяемость свидетельствует о квазипассивности причастной конструкции); 3) как образующих, так и возвратного глагола, употреблённого а) в страдательном значении и формирующего синонимическую пассивную конструкцию; б) не в страдательном значении; 4) нескольких глаголов с противоположными видовыми и залоговыми характеристиками (для данного типа корреляций характерна неоднозначность интерпретаций и размытость видового и залогового значений причастных форм).

Ключевые слова: причастие, пассив, семантические корреляты, грамматическая семантика, залог, трансформация.

This article deals with research on grammatical content of past passive participles included in the artistic tissue of I.A. Bunin's novel «The life of Arseniev». The research also considers examination and description of micro-contexts where participles can be semantic and grammatical correlates of the predicative forms of: 1) the verbs which the participles are built out of (in this case the participles are generally the only possible means to express the meaning of passive voice in the counter-position «active-passive»); 2) reflexive verbs used not in the passive meaning (such a substitutability indicates the quasi-passivity of the participial construction); 3) the both types of the verbs mentioned used a) in the passive meaning and forming a synonymic passive construction; b) not in the passive meaning; 4) several verbs with the contrary characteristics of the aspect and the voice of the verb (this type of correlations is characterized with ambiguity of interpretations and fuzziness of aspect and voice values of participle forms).

Key words: participle, passive, semantic correlates, grammatical semantics, voice, transformation.

Причастия привлекали к себе внимание многих учёных-лингвистов в связи с решением широкого круга проблем грамматики и семантики русского языка. Особый интерес всегда вызывало залоговое значение причастных форм, поскольку оно непосредственно влияло на функциональные и семантические характеристики причастий. Категория залога в русской грамматике относится к числу самых сложных, поскольку в понятие залога разные исследователи вкладывают крайне разнообразное и противоречивое содержание: «В русистике концепции залога отличаются друг от друга по нескольким параметрам: в определении залога, в выделении количества форм залога и в их качественной характеристике, в определении семантической однородности/неоднородности форм

залога, в определении характера залоговых оппозиций, в решении проблемы охвата категорией залога глагольной лексики» [1:160].

Цель данной статьи – выявить корпус семантических и грамматических коррелятов страдательных причастий прошедшего времени, используемых в структурно-семантическом пространстве художественного текста, и представить интерпретационные характеристики грамматической семантики причастных форм с точки зрения сохранения или, наоборот, утраты залогового значения.

Материал для нашего исследования мы выбирали из текста романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Текст романа содержит большое количество описательно-характеризующих микроконтекстов, в художественную ткань которых автор активно включает причастные формы, выполняющие семантические или эмоционально-оценочные функции и расширяющие описание-характеристику в направлении атрибуции лиц и предметов окружающего мира по процессным и результативным действиям. Всего в тексте романа нами было обнаружено 1270 причастных конструкций, из них 342 со страдательными причастиями прошедшего времени, представленными как в полной (20% от общего количества), так и в краткой (7% от общего количества) формах.

Наши наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что грамматическое содержание категории залога у причастий на уровне текста претерпевает определённые изменения и может не совпадать с системными характеристиками. В ходе преобразования атрибутивных конструкций в предикативные мы получили разные типы **одновекторных** (*разогнутый* → *разогнули*, *убитый* → *убило*, в безл.употр., *покрытый* → *покрылись*, не в страд. зн., *покрытый* → *покрывались*, в страд. зн.), **двухвекторных** (*освещённый* → *освещали/освещалось*, в страд.зн.; *соединённый* → *соединили/соединялся*, не в страд. зн., *смешанный* → *смешался/смешивался*, не в страд.зн.); **трёхвекторных** (*воспетая* → *воспел/воспевал/воспевалась*, в страд.зн.) трансформационных моделей.

Оказалось, что функциональными коррелятами причастных конструкций с ядром – формой страдательного причастия прошедшего времени чаще всего являются односоставные неопределённо-личные предложения, далее следуют двусоставные полные и неполные предложения, замыкают список односоставные безличные предложения.

Причастные формы, включённые в текст, могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм 1) образующих глаголов (в этом случае причастия, как правило, являются единственно возможными средствами выражения значения страдательного залога в оппозиции “актив-пассив”); 2) возвратных глаголов, употреблённых не в страдательном значении (подобная взаимозаменяемость свидетельствует о квазипассивности причастной конструкции); 3) как образующего, так и возвратного глагола, употреблённого а) в страдательном значении и формирующего синонимическую пассивную конструкцию; б) не в страдательном значении; 4) нескольких глаголов с противоположными видовыми и залоговыми характеристиками (для данного типа коррелиций характерна неоднозначность интерпретаций и размытость видового и залогового значений причастных форм).

Как единственно возможное средство выражения значения страдательного залога причастная форма выступает в тех случаях, когда предикативное оформление пассивной конструкции либо в принципе невозможно, либо возможно, но в нём отчётливо не

выявляются субъектно-объектные отношения. Сравните: *Ни души, казалось, не было не только на этой глухой, всеми позабытой дороге, но и на сотни верст кругом.* → *Ни души, казалось, не было не только на этой глухой дороге, о которой позабыли все, но и на сотни верст кругом.* [2]. В причастной пропозиции заложены субъектно-объектные отношения, характерные для страдательного залога, поэтому преобразование причастной формы возможно в направлении *позабытой* → *позабыли*– формы, образующей ядерный центр соотносительной активной конструкции. Страдательное причастие в данном случае не имеет конкурентов в оформлении пассивной конструкции, поскольку соответствующий возвратный глагол *позабыться* в принципе не имеет страдательного значения, а предикативные формы возвратного глагола *позабываться* с противоположным видовым значением не вписываются в общую предикативную ситуацию микроконтекста, формируемую глаголами совершенного вида.

Размытость субъектно-объектных отношений при залоговой характеристике действия обычно обнаруживается при установлении семантической коррелятивности между причастной конструкцией и односоставным неопределённо-личным (или безличным) предложением, двусоставным неполным предложением, т.е. теми синтаксическими единицами, в которых субъект удалён с позиции грамматического подлежащего и потому коммуникативно ослаблен. Сравните: *Внизу взад и вперед шли с говором, смехом и огоньками папирос гуляющие, напротив, в больших домах, были открыты окна, а за ними видны освещенные комнаты, люди, сидящие за чайным столом или что-то делающие, – чья-то чужая, манящая жизнь, на которую глядишь в такие часы с особенно обостренной наблюдательностью.* → *.. напротив, в больших домах, открыли окна, а за ними видны освещенные комнаты, люди, сидящие за чайным столом или что-то делающие..*

Как же пустяки, когда оказалось, что я люблю того милого и жалкого «социалиста», что сидел вчера арестантом на вокзале в своем сереньком пиджачке и накинутаой на плечи енотовой шубе. → *Как же пустяки, когда оказалось, что я люблю, того милого и жалкого «социалиста», что сидел вчера арестантом на вокзале в своем сереньком пиджачке и енотовой шубе, которую накинул на плечи.* Развёртывание причастных конструкций в направлении **...напротив, в больших домах, открылись окна..* или **.. я люблю того милого и жалкого «социалиста», что сидел вчера арестантом на вокзале в своем сереньком пиджачке и енотовой шубе, которая накидывалась (им) на плечи* --неприемлемо с точки зрения не только стилистики, но и семантики, как лексической, так и грамматической, поэтому автор, стремясь подчеркнуть пассивный характер действия, использует атрибутивные формы вместо предикативных, так как в односоставных неопределённо-личных (см. первый пример) и двусоставных неполных (см. второй пример) предложениях пассивное значение завуалировано и формально не выражено.

Перераспределение синтаксических ролей, характерных для пассива, чётче проявляется и в причастной конструкции, включённой в следующий микроконтекст: *.. о действительности напоминает только засыпанный снегом работник .. да пересыпанная снежной пылью мерзлая, пахучая овсяная солома, набитая под передком в моих застывших ногах.* Описываемые автором ситуации (*только засыпанный снегом работник .. да пересыпанная снежной пылью мерзлая пахучая овсяная солома*) могут быть представлены с помощью предикативных форм глаголов *засыпать* и *пересыпать*, но употреблённых

в безличном значении: *о действительности напоминает только работник, которого засыпало снегом.. / о действительности напоминает только.. мерзлая, пахучая овсяная солома, которую пересыпало снежной пылью...* Функционально односоставные безличные (равно как и неопределённо-личные) предложения сближаются с пассивными конструкциями, ядром которых являются формы страдательных причастий, однако «полного соответствия между этими двумя разновидностями невыраженности субъекта нет» [3: 439]. При семантической коррелятивности данных конструкций их грамматическое содержание всё-таки не совпадает полностью: пассивный характер глагольного действия отчётливее выражен в причастной форме.

Одновекторные трансформационные отношения у страдательных причастий прошедшего времени возможны с предикативными формами не только образующих, но и однокоренных возвратных глаголов, видовые и залоговые характеристики которых могут совпадать/не совпадать с видовыми и залоговыми характеристиками причастных форм. Ср.: *Я втайне (вопреки тому, что уже был заражен, благодаря чтению и брату Георгию, множеством свободных мнений) еще очень гордился тем, что мы Арсеньевы.* → *Я втайне (вопреки тому, что уже заразился, благодаря чтению и брату Георгию, множеством свободных мнений) еще очень гордился тем, что мы Арсеньевы.* Или: *Я был лишен чувства собственности, но как мечтал я порой о богатстве, о прекрасной роскоши, о всяческой свободе и всех телесных и душевных радостях, сопряженных с ними!* → *.. но как мечтал я порой о богатстве, о прекрасной роскоши, о всяческой свободе и всех телесных и душевных радостях, которые сопрягаются с ними!* Или: *В поле уже душно, жарко, дорога среди высоких и недвижных хлебов узка и пылит, кучер барствено обгоняет мужиков и баб, тоже наряженных и тоже едущих к празднику.* → *.. кучер барствено обгоняет мужиков и баб, которые тоже нарядились и тоже едут к празднику*

Коммуникативные аналоги причастных форм (*заражен, сопрягаются, нарядились*) в данных примерах употреблены не в страдательных значениях, они обозначают действия, ориентированные на субъект и замыкающиеся в субъекте. Следовательно, логично предположить, что причастные формы *заражён, сопряжённые, наряженных*, употреблённые в ситуациях, фактически соответствующих действительному залогу, остаются маркером страдательности только в силу своих системно и структурно закреплённых характеристик. Грамматическая семантика пассива в данных микроконтекстах представлена лишь формально, в содержательном плане оппозиция «актив – пассив» здесь оказывается разрушенной, и формы страдательных причастий на функциональном уровне могут быть охарактеризованы как квазипассивные.

При двухвекторных трансформациях страдательных причастий прошедшего времени грамматическое содержание причастных форм может соотноситься с предикативными формами образующих невозвратных и соответствующих возвратных глаголов (как правило, с противоположной видовой характеристикой) с явно выраженным или ослабленным значением страдательного залога. Например: *Необыкновенно высокий треугольник ели, освещенный луной только с одной стороны, по-прежнему возносился своим зубчатым острием в прозрачное ночное небо....* → *Необыкновенно высокий треугольник ели, который луна освещала /освещался луной только с одной стороны, по-прежнему возносился своим зубчатым острием в прозрачное ночное небо...* Или: *Дух этой среды,*

романтизированный моим воображением, казался мне тем прекраснее, что навеки исчезал на моих глазах. → Дух этой среды, который **романтизировало** моёвоображение / **романтизировался** моим воображением, казался мне тем прекраснее, что навеки исчезал на моих глазах.

При направлении трансформационного преобразования в сторону предикативных форм глаголов *освещать*, *романтизировать* причастия и глаголы противопоставляются друг другу как ядерные центры пассивных (причастия) и активных (глагольные формы) конструкций. Во втором случае (*освещенный* – *освещался*, *романтизированный* – *романтизировался*) залоговые характеристики причастия и глагольной формы трансформации совпадают, что свидетельствует о синонимичности конструкций и избыточности языковых средств, предлагаемых языковой системой для оформления пассивных конструкций.

Страдательное значение возвратного глагола – коммуникативного аналога причастной формы – ослабляется в тех случаях, когда субъект действия, признак которого обозначается причастием, либо имеет орудийное значение, либо в принципе отсутствует в триаде «объект – предикат – субъект». Ср.: *Меня то и дело угощали и все расспрашивали, сказали несколько лестных слов о моих стихах, **напечатанных** в столичных ежемесячниках, звали сотрудничать в «Голосе».* → *Меня то и дело угощали и все расспрашивали, сказали несколько лестных слов о моих стихах, которые **напечатали** / **печатались** в столичных ежемесячниках, звали сотрудничать в «Голосе».*

Нередко при развёртывании причастной пропозиции в направлении синтаксических конструкций с предикативным центром, образуемым формой возвратного глагола, выявляется иная интерпретационная направленность залоговой характеристики ситуации. Ср.: «*Мой покойный муж*», -- *вскользь сказала Авилова, – и я слегка оторопел: так **был поражен** нелепостью соединения во что-то одно этого чахоточного с живой, хорошенькой женщиной, вдруг назвавшей его своим мужем.* → «*Мой покойный муж*», -- *вскользь сказала Авилова, – и я слегка оторопел: так **поразил** нелепости соединения во что-то одно этого чахоточного с живой, хорошенькой женщиной, вдруг назвавшей его своим мужем (глагол *пторазиться* в данном случае употреблён в значении ‘сильно удивиться, изумиться’).* Или: *И вот, все так же неожиданно, как все время в Орле, я очутился в большой, но очень избранной толпе, ожидавшей, перед рядами парадно **выстроенных** на платформе солдат, прибытия того величавого и жуткого, что где-то там уже шло, близилось, – среди всяких знатных представителей города и губернии, фраков, шитых мундиров, треуголок, жирных военных эполет и целого синклита блистающих риз и митр.* → *.. я очутился в большой, но очень избранной толпе, ожидавшей, перед рядами солдат, которых парадно **выстроили** на платформе/ которые парадно **выстроились** на платформе, того величавого и жуткого, что где-то там уже шло, близилось... И в первом и во втором примере соотношение первой пары трансформов (*был поражен* → *поразил*, *выстроенных* → *выстроили*) отражает оппозицию «пассив – актив», правда, с редуцированным субъектом действия. Что же касается второй группы трансформов (*был поражен* → *поразился*, *выстроенных* → *выстроились*), то они сигнализируют о возможности представления действия, заключённого в причастной синтагме, как активного, исходящего от субъекта, который одновременно является и объектом действия.*

Квазипассивное и неопределённое грамматическое содержание причастных форм проявляется и в трансформациях типа *смешанный* → *смешался/смешивался*, свидетельствующих о размытости и неустойчивости не только залоговых, но и видовых характеристик причастия. Ср.: *Уже думать о ней и чувствовать ее я стал только поэтически, с тоской вообще о любви, о каком-то общем прекрасном женском образе, смешанном с образами поэм Пушкина, Лермонтова, Байрона.* → *Уже думать о ней и чувствовать ее я стал только поэтически, с тоской вообще о любви, о каком-то общем прекрасном женском образе, который смешался/смешивался с образами поэм Пушкина, Лермонтова, Байрона.*

Ситуация, обозначенная причастной пропозицией, в данном случае может быть представлена и как ситуация конкретно-фактического действия (*смешался*), и как ситуация обобщённо-фактическая (*смешивался*), отсюда синонимические отношения с формами возвратных глаголов с противоположными видовыми характеристиками, но одинаково представляющими действие с точки зрения субъектно-объектных отношений: оба возвратных глагола соотносятся с субъектом – производителем действия, направленного на себя, и потому выражают значение действительного залога.

Трёхвекторные трансформационные отношения причастий с предикативными формами глаголов отражают возможное варьирование грамматического содержания причастных форм на уровне микроконтекста в направлении как видовых, так и залоговых характеристик. Ср.: *Я вспыхнул при первом же взгляде на нее, – как только она, во всей свежести своей немецкой чистоты, затейливого розового платья и юной миловидности, вышла ко мне, насквозь промерзшему за дорогу со станции, в вигандовскую столовую, розово озаренную утренним зимним солнцем, и стала наливать мне кофе.* → *..., вышла ко мне, насквозь промерзшему за дорогу со станции, в вигандовскую столовую, которую розово озаряло/озарило утреннее зимнее солнце / озарялась утренним зимним солнцем, и стала наливать мне кофе.* Или: *Это первое, что жутко, -- эти так широко и свободно для всякого раскрытые смертью ворота и множество автомобилей, стоящих возле них.* → *Это первое, что жутко, -- эти ворота, которые так широко и свободно для всякого раскрыла/раскрывает смерть или раскрываются смертью, и множество автомобилей, стоящих возле них.*

Представление действия, заключённого в причастной конструкции, на уровне предикативных форм трёх глаголов становится возможным при контекстуальной нейтрализации видового значения и экспликации субъектно-объектных отношений с помощью возвратных глаголов, употреблённых в страдательном значении, явно выраженном (второй пример) или несколько завуалированным, ослабленным (первый пример).

Неоднозначность и неустойчивость видовых и залоговых характеристик страдательных причастий прошедшего времени особенно ярко проявляется в тех случаях, когда причастная форма может быть заменена тремя предикативными формами (без изменения смысла высказывания) с разным видовым, но одинаковым залоговым значением. Ср.: *Я знаю только то, что в Гербовнике род наш отнесен к тем, «происхождение коих теряется во мраке времен».* → *Я знаю только то, что в Гербовнике род наш отнесли /относят / относится к тем, «происхождение коих теряется во мраке времен».* Все возможные трансформы причастной формы *отнесён* образуют предикативные центры активных конструкций (глагол *относиться* в данном случае реализует своё не страдательное значение ‘входить в состав, в разряд, в число кого-, чего-либо’).

Итак, предпринятое нами исследование грамматической семантики форм страдательных причастий прошедшего времени позволяет сделать следующие выводы.

В тексте романа «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина страдательные причастия прошедшего времени являются необходимыми конструктивными элементами организации описательно-характеризующих микроконтекстов. «Обращение автора к причастным формам всегда значимо, потому что в них отражается его художественное мировосприятие. И чем оно индивидуальнее, чем сложнее выражаемое в произведении содержание, тем шире функциональные возможности причастий и модус их семантического и грамматического наполнения» [4:319]. Структурная и грамматическая маркированность причастий обеспечивает им центральное положение среди грамматических средств, участвующих в выражении значения страдательного залога. Любое контекстуальное ослабление залоговой семантики предикативных форм глагола, связанное с редукцией триады «объект – предикат – субъект в Тв.п», актуализирует залоговое значение причастной формы и выбор её в качестве единственно возможного средства выражения залогового значения.

Интерпретационная неоднозначность грамматического содержания страдательных причастий (размытость видовых или залоговых характеристик) обусловлена прежде всего влиянием элементов контекста, способных как усиливать, так и нейтрализовать отдельные грамматические семы [5]. Однако системная закреплённость страдательного значения за причастными формами удерживает их в поле пассива. И автор, видимо, не случайно при необходимости «выражения коммуникативных или прагматических противопоставлений» [6:194], составляющих суть категории залога, отдаёт предпочтение страдательным причастиям, формально ориентирующим на то, что предмет, признак которого обозначается причастной формой, в описываемой ситуации имеет статус пассивного объекта действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 685 с.
2. Здесь и далее примеры приводятся по тексту романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». См.: И.Бунин, Жизнь Арсеньева, [в]: И.Бунин, Избранное. В 2-х томах, т. 2. Дневники, роман, рассказы, М.: АО «Прибой» 1996, с. 120 – 384.
3. Современный русский язык. Морфология, СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ 2007, 664 с.
4. Вольнец Т.Н. Причастие в идиостиле писателя // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2001 г. – С. 302 – 320.
5. Подробнее см. об этом [в]: Т. Вольнец, Грамматический феномен причастия, Минск: Изд-во БГУ 1998. .
6. В. Плуныян, Общая морфология: Введение в проблематику, Москва 2000, 384 с.